

Мих. МАТУСОВСКИЙ

СТИХИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

№ 17

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА — 1946

Мих. МАТУСОВСКИЙ

СТИХИ

Издательство «Правда»
Москва — 1946

Михаил МАТУСОВСКИЙ

Михаил Львович Матусовский родился в 1915 году в Донбассе, в городе Ворошиловграде (бывший Луганск). Всё детство и юность провёл в Донбассе, учился в семилетке и в строительном техникуме. Окончил техникум и два года работал на строительстве Ворошиловградского паровозостроительного завода в качестве техника-строителя. В 1935 году приехал в Москву и поступил в Литературный институт Союза советских писателей.

В 1939 году выходит первая книжка стихов и прозы, написанная совместно с Константином Симоновым и посвящённая гражданской войне в Донбассе, — «Луганчане». В 1940 году в «Советском писателе» напечатан первый сборник стихов Матусовского — «Моя родословная». Увлекаясь древнерусской поэзией, Матусовский сдаёт экзамен в аспирантуру, защищает диссертацию на тему «Очерки поэтического стиля древнерусских воинских повестей периода татарского нашествия на Русь» и получает учёную степень кандидата филологических наук.

С первых дней войны Матусовский уезжает на фронт в качестве военного корреспондента фронтовой газеты. Работает на Западном, Северо-Западном и Втором Белорусском фронтах. Во время исполнения заданий командования был ранен. Награждён орденом Отечественной войны I степени, орденом «Красная Звезда», медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». За время войны вышли сборники стихов «Фронт», «Фронтовые стихи», «Когда шумит Ильмень-озеро».

МАЛЬЧИКАМ

Пусть достанутся мальчикам самые лучшие книги —
Описания неба, строений и горных пород,
Трудовых инструментов — от камня до первой мотыги,
Незнакомых народов и климатов разных широт.

Мы об этом и сами когда-то тревожно мечтали —
Пусть на стол им положат усталых моторов сердца,
Механизмы часов и машин потайные детали —
И они их сломают, но смогут понять до конца.

Дважды два — не четыре, и дважды четыре — не восемь.
Мир ещё не устроен, как это ему надлежит.
Бьют железом о камень. И воздух грозовый несносен.
И война, как чума, по Европе ещё пробежит.

Пусть достанется мальчикам столик с чертёжным
прибором,
Шкаф для верхнего платья и этот особый уют,
Создаваемый жёсткими полками в поезде скором
И летящими шторами узких военных кают.

Пусть достанутся мальчикам двери, открытые настежь,
Путеводные звёзды, зажжённые нами во мгле,
И мечта о всеобщем, большом человеческом счастье
На ещё неуютной, ещё предрассветной земле.

1939.

ЧУБЧИК

Сняты с коней пыльные попоны.
Гул колёс тревожит тишину.
В исполкоме играют телефоны —
Мы стоим в Ростове на Дону.

В куртке кожаной и в фуражке штатской,
Чем вас потчевать, как вас величать?
Вдоль по Пушкинской, мимо Петроградской
Ходят девочки с Чубчиком гулять.

Семь часов от боя и до боя,
А потом обратно — по фронтам.
Двух соперниц он водит за собою,
Третья ходит сзади по пятам.

Первые признания, девичьи страдания,
Блузка маркизетовая, поднятая бровь.
Это фронтовые, короткие свидания,
Это городская неверная любовь.

А к рассвету — армия готова,
Гром подков тревожит тишину.
Поезда уходят из Ростова,
А Ростов остался на Дону...
Схвачен Чубчик в Раменской станице,
Ночью раненный, уходил ползком.
Вместе с ним в нетопленной больнице
Пол-России хворало сыпняком.

Смертным бредом бредила больница:
— Вот и вышла точка с запятой.
Я прошу вас, доктор и сестрица,
Сохраните мне чубчик золотой.

Не стригите машинкой нулевою,
Не давайте лечебного питья.
Срежьте чубчик вместе с головою.
Без него не будет мне житья.

Вновь трубят сраженья и тревоги.
Скачут всадники в навесном огне.
Где же армия? Армия в дороге.
Где же Чубчик? Снова на коне.

На Урале и у родного Дона,
На далёком, на степовом Донце
Бьют в глаза пробитые знамёна,
Пляшет пламя на его лице.

И взлетает — ветром перевитый,
Мелкими колечками лихо завитой,
Выжженный на солнце, шапкой не покрытый
Чубчик нерасчёсанный, чубчик золотой.

1938.

ИМЕНИННЫЕ ПОДАРКИ

К. Симонову

Ребёнку дали рыб ненастоящих,
Слепых зверей с ключами заводными.
Он мог бы слушать музыкальный ящик
И от тоски состариться над ними.

Он разобрал несложные пружины,
Потом забыл, потом забросил разом
Глухую банку с ручкой недвижимой
И куклу-дуру с равнодушным глазом.

Но сохранялись в заповедном месте
В откопанной на пристани коробке
Цветные нитки и обрезки жести,
Куски стекла, бутылочные пробки.

Подковы, обещающие счастье,
И часто излучавшие сиянье
Машинные таинственные части
Из тех, что потеряли марсиане.

Разъединенные ржавчиной морскою
Уключины на перебитых вёслах.
Подобранные бережной рукою
Богатства, непонятные для взрослых.

СТАРАЯ КУЗНЯ

Куют коня. По четырём углам,
По балкам прокопчённым и провислым
Гуляют молнии. Визжит железный хлам,
И дым стоит над кузней коромыслом.

Подкова, обруч, ржавая кровать,
И хлам, который трудно разобрать,
Как вынесенный на берег приливом.
А если все подковы поднимать,
Полчеловечества смогло бы стать счастливым...

Стараясь кончить все заказы днём,
Вставали до света и спать ложились рано,
И, сняв рубахи, спорили с огнём,
И пили квас из глиняного жбана.

Мне кажется, что я здесь был давно,
Что точно так же пел кузнец в подвале.
И ветер дул в разбитое окно,
И жгли железо, и коня ковали.

МОСКОВСКАЯ РАДИОСТАНЦИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ О ПРИЁМЕ В ВУЗЫ

Мне кажется — я снова б мог начать
Сидеть над нерешёнными столбцами,
Лишений и забот не замечать
И жить, с трудом сводя концы с концами.

Иметь бы только музыкальный слух,
И, выступив с успехом на концерте,
По всем предметам успевать за двух,
И, как скворец, свистать до самой смерти.

Я так играл бы, доводя до слёз,
Любой струной и пьесой любой —
Апрельским ветром на стволах берёз,
Смычком дождя на гребешках прибой.

Мне б научиться возводить дома,
Взрывая скалы и грунты расчистив.
Вот так природа строила сама
Кристаллы снега и прожилки листьев.

В конечном счёте возраст ни при чём.
Пройдя года голодного ученья,
Я мог бы стать внимательным врачом.
Спасать от горя, назначать лечение.

И я б лечил не пылью порошков,
Не скукою больничного покоя, —
Сырой прохладой винных погребков,
Попутным ветром и водой морскою.

ПРИЯТЕЛЬ

Старый лгунишка Колá, вечный поэт и бродяга,
Снова ты пьян, как всегда, слушать предания рад.
В глиняной кружке твоей пенится чёрная брага.
Собран удачно ячмень, славно поспел виноград.

Пахнет парным молоком, былью и сказкою давней,
Близостью летней грозы и переменной судьбы...
Вымыты чисто полы, и от решётчатой ставни
На полосатой стене — пыли и света столбы.

Снова ты станешь меня свистом будить на рассвете,
На молодое вино в дом зазывая к себе,
Будешь легко вспоминать всё, что увидел на свете,
И терпеливо учить скверным словам и резьбе.

Станешь учить не терять в жизни короткого часа,
Счастье найдя — не зевать, всё потеряв — не грустить,
Обруч на бочку набить, жарить на вертеле мясо,
Пить — точно жажда всегда, жить — точно шутку
шутить.

Каждой минутой своей, жизнью и сказкою каждой,
Сердцем, руками творца, связками нервов и жил
Так принимать этот мир, будто, измученный жаждой,
Сам ты придумал его и как стихи изложил.

ПОЛЯРНАЯ ПОЧТА

Наледью чёрной, сухой и колючей корою,
Острым торосом покрыты дороги земли,
В трудное время, суровой и зимней порою
В нартах собачьих московскую «Правду» везли.

Мехом медвежьим и кожей сырой покрывали
Письма и книги, посылки, узлы и тюки.
Снег кипятили. На кратком и вьюжном привале
Псы задыхались, высунув языки...

Катятся тучи, сгорают сполохи над ними,
В тёмной дороге полярные звёзды ведут.
Так они гибнут и трижды выходят живыми,
Падают трижды — и, трижды вставая, идут,

Свищут упряжку, и в путь собираются снова
Дымной дорогой, холодной ночной стороной...

Ты понимаешь, как здесь относятся к слову,
Если оно достаётся такою ценой.

ЗЕМЛЯ

Так просторно и светло, что с крутой волны
Люди, камни на скале и огни видны.

Я за все свои года, может быть, на треть
Мир сумею обойти, землю осмотреть.

Мутной пеной бьёт с бортов, кличет за собой
Пахнет солью и грозой, иодом и судьбой.

Мы ещё не всё смогли и не всё прошли.
Я не знаю до сих пор, где конец земли.

23 ИЮЛЯ

Полуночных лесов видения,
Мхи, кустарники, бурелом.
Я отпраздную день рождения
Не за пиршественным столом.

За укрытьем пригорка лысого,
В тесном ящике грузовика,
От Смоленска и до Борисова
Обминавшего мне бока.

Рощи с высохшими болотцами,
Пулемётная дробь вдали.
Тихо кружатся над колодцами
Белорусские «журавли».

И несут поезда товарные
Тёплый запах людского жилья.
Это Действующая армия,
Уходящая юность моя.

1941.

РАДИСТ

Когда всё, что умеет гореть, сожжено
Орудийным свирепым огнём
И в штабном блиндаже, как в могиле, темно
А в траншее светло, как днём,

И по швам распоровшийся каменный свод
Осыпается с каждым толчком,
Когда все неумершие рвутся вперёд,
А умершие спят ничком,

И сквозь адскую музыку, грохот и свист
Еле слышны родные слова,
Умирая, в бреду повторяет радист:
«Говори, говори, Москва!..»
1941.

ГОРОД С.

Ранний луч просиял впервые
На взлетающем ястребке;
И проехали ездовые,
Примостившись на передке.

На вершинах, ещё нечётких,
Закурился осенний лес.
Старый город, в военных сводках
Называемый буквой С.

Заалели валы крепостные.
Зорька дымчатая зажгла
Древнерусские, золотые
Монастырские купола.

Ночь закончилась. И над нами
Начинается новый бой
Орудийными облаками
Над предутреннею землёй.

СЕСТРА

Когда я лежал в полевом лазарете,
Неслышная, ты приходила ко мне.
Сосед мой, разведчик, кричал на рассвете,
Скорее в бреду, чем в простом полусне.

Но, видно, была в тебе страшная сила,
Что люди смирялись пред властью такой,
Когда ты их имя произносила,
Когда ты волос их касалась рукой.

И люди, седые от мук и страданий,
Невидящих глаз не сомкнув до утра,
По-детски тебя беспокоили: «Няня»,
По-братски тебя называли: «Сестра»...

На миг становилось легко и просторно,
В палату вносили бинты и тазы,
И еле заметный душок иодоформа,
Как на море, в августе, после грозы...

ВЫЗДОРОВАНИЕ

Я проснулся в три. Ещё не рассветало,
Но на всём лежал предутренний дымок,
Богатырский лес позёвывал устало,
Он продрог слегка и до колен промок.

Я опять любил ревниво и жестоко
Всё, чем раньше жил и чем сейчас живу:
Реки, поезда, Уитмена и Блока,
Музыку, табак, июльскую Москву.

Пахла летним сном и сыростью речною,
Омутом лесным, песчаным чистым дном
После сильных гроз, прошедших над землёю.
Тёплая вода в кадushке под окном.

Знать, не отлита ещё врагами пуля,
Нет ещё такого смертного литья,
Чтоб лишить меня дождей и гроз в июле,
Жизни и тебя, союзница моя.

Гвардеец, поднимавший над Ростовом
Советский флаг на струганом древке,
Увидел небо в сумраке багровом
И беглые зарницы вдалеке.

Был снежный Дон задумчив и печален.
Ещё снаряды ухали во мгле,
Ещё дымком тянуло от развалин
И тех, кто мёртв, не предали земле.

Полки входили в боевом порядке.
Гвардеец видел завтрашний рассвет
В разрывах туч, в зелёной лихорадке
Прожекторов и световых ракет.

Шла армия, и ей вослед другая.
Дыханье перехватывал мороз.
А он глядел сквозь вечность, не моргая,
Не вытирая замерзавших слёз.

СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ В МОСКВЕ

Наверное, помните вы,
Как стужа тогда пронизала
Ночные кварталы Москвы,
Подъезды Колонного зала.

Но город, окованный тьмой,
С уныло ползущим трамваем
Был этой осадной зимой
Прекрасен и незабываем.

Когда композитор бочком
Пробрался к подножью рояля,
В оркестре смычок за смычком
Проснулись, зажглись, засияли.

Как будто из мрака ночей
Дошли к нам порывы метели,
И сразу у всех скрипачей
С подставок листы полетели.

И эта ненастная мгла,
В траншеях свиставшая хмуро,
Никем до него не была
Расписана, как партитура.

Над миром взрывалась гроза.
Ещё никогда на концерте
Так близко не чувствовал зал
Присутствия жизни и смерти.

Как дом, от полов до стропил
Охваченный пламенем сразу,
Безумный оркестр вопил
Одну музыкальную фразу.

Ей пламя дышало в лицо,
Глушила её канонада.
Она прорывала кольцо
Блокадных ночей Ленинграда.

Гудела в глухой синеве,
Весь день пребывала в дороге
И ночью кончалась в Москве
Сиреной воздушной тревоги.

ДОЛГИЕ БОРОДЫ

Вдалеке от большого города,
В стороне от больших дорог
Жили-были на свете Бороды —
Шесть избушек, одетых в мох.

Добрым людям и дальним странникам
Здесь найдётся всегда приют.
Кровля крыта печатным пряником,
На окошках щеглы поют.

Здесь загадки могли загадывать, —
Хитроумнее не найти.
Здесь умели былинны складывать,
Словно невод речной плести.

Нынче в доме потёмки смутные.
И глядят на меня темны,
Позабутые, пятиминутные
Фотографии со стены.

На портретах стрелки и конники,
Лесорубы и рыбаки,
Новобрачные и покойники,
Молодые и старики.

Здесь они своё детство начали,
Люди паруса и весла,
И рыбачили, и батрачили,
И ходили на промысла.

В трудной битве за дело кровное
Под ударами всех невзгод
Не иссякла их родословная
И не кончился славный род,

Как в июньской степи в предгрозии
Бесконечные облака,
Как бегущая к Ильмень-озеру
Голубая Шелонь-река.

ЗАЛЕСЬЕ

Разыгралась непогода, недалёк привал.
После долгого похода полк заночевал.
Спит село прифронтовое в ильменских снегах.
Патронташ — под голову, карабин — в ногах.

Вдруг, испуганный спросонок странной тишиной,
Вскрикнул маленький ребёнок рядом за стеной.
И тогда с постели встала, сияясь не дремать,
И над ним склонясь устало, вдруг запела мать.

Дымный лес, меняя краски, чуть шумит в ночи.
Серый кот из русской сказки дремлет на печи.
Скрип крестьянской колыбели слышен за стеной.
Может, так когда-то пели в детстве надо мной.

И светилось надо мною тускло и темно
Застеклённое слюдою зимнее окно.
И не так ли, полный дрёмы, усыплял меня
Запах высушенной соломы, слабый треск огня.

Значит, стоит жить на свете, воевать с бедой,
Подниматься на рассвете с утренней звездой,
Проходить в огне и громе, по ночам не спать,
Чтобы в этом мирном доме тихо пела мать.

МОКРЫЙ ОСТРОВ

Что за пропасть, в самом деле, —
Неуёмный, проливной,
Вот уж скоро две недели
Дождь бормочет за стеной!

Знать, уж так самой судьбою
Суждено мне с давних пор
Слышать вечно над собою
Чёрных сосен разговор.

Видно, мне ещё не мало
Суждено встречать людей
От привала до привала,
От дождей и до дождей,

Помнить дружеские тайны,
Лица, званья, имена
Всех попутчиков случайных,
С кем свела меня война,

С кем прощался на рассвете,
С кем в пути совет держал,
С кем в походном лазарете
В общей комнате лежал.

За окошком — ночь сплошная.
Кажется, что часть села,
Как флотилия речная,
Поднялась и поплыла.

Церковь маковкою острой
Тускло светится во мгле...
Мокрый Остров, Мокрый Остров, —
Самый мокрый на земле.

ТРИ РЕКИ

Переменчивы и быстры —
Как поласковой их назвать?
Есть у Ильмена три сестры:
Пола, Полометь и Ловать.

Кто проехал у этих рек,
В ясной памяти уберёг
Избы, срубленные навек,
И часовенки у дорог.

Каждый берег, любой затон
Обещает большой улов.
И над реками слышен звон
Новгородских колоколов.

Если станешь на их мостах, —
Ветер с Ильмена, благодать,
Правый берег лежит в цветах
Лева берега не видеть.

Мимо этой большой земли,
Мимо наших забот и встреч
Так веками они текли,
Так столетьями будут течь...

Танки движутся в тишине,
И от Яжелбиц до Крестцов
Дождь грохочет по их броне,
По зелёным плащам бойцов.

Дни победы твоей близки,
Немцу смерти не миновать.
В том порукою три реки:
Пола, Полометь и Ловать.

ГОРОД Н.

Выжженный смерчем прямой наводки,
Опустошённый от труб до стен,
Он не внесён ни в какие сводки,
Он называется — город Н.

Он ожидает минуты мести,
Вдруг загораясь со всех сторон,
Сразу от центра и до предместий
Белою молнией озарён.

Он полыхает на косогоре,
То замирая, то грохоча,
Будто он выстроен весь из горя,
А не из камня и кирпича.

Он поднимается предо мною,
Грозный и стынувший на ветру,
Город, который любой ценою
Наша пехота возьмёт к утру.

МСТА

Безлюдна и пуста,
Темна и глубока,
Бежит по камням Мста —
Военная река.

На скошенных столбах
Повисли провода.
Стоит в окопных рвах
Зелёная вода.

Обрывы, а лсевей,
Как лес у входа в ад,
Деревья без ветвей
Из-под земли торчат.

И берег, сам не свой
От приступов тоски,
Занёс над головой
Сухие костяки...

Сожжённого куста
Нельзя врагу простить.
Название речки Мста
Идёт от слова «мстить».

«ЧЕРТОВЩИНА» *

Заблудился я на тропке дикой
И совсем под вечер оробел.
Пахнет сумрак прелой голубикой,
Шепчутся осока и подбел.

На десятки вёрст во всей округе
Я такого леса не встречал,
Словно многомачтовые струги
В тесной бухте стали на причал.

Гости новгородские не дремлют,
И грядю облачной вдали
Из варяжской в греческую землю
День и ночь проходят корабли.

Вот как будто паруса косые
Двинулись над самой головой,
Никогда история России
Не казалась мне такой живой.

Чуть скрипят намокшие канаты,
Чуть гудят под ветром паруса,
И слышны над всей землёй покатой
Русских мореходов голоса.

Лес встаёт стеной до небосклона,
На верхушках — свет, а в чаще — тьма,
Словно неизвестная икона
Тёмного рублёвского письма.

На закате всё туман окутал,
Воздух был тяжёл и сыроват.
Но не дождь меня в пути попутал,
Летний дождь ни в чём не виноват,

И не ветер этому причина —
Ветер до такого не дойдёт.
Виновата в этом «Чертовщина» —
Дух северо-западных болот.

* «Чертовщина» — так называется одно из больших болот к югу от озера Ильмень.

СЕВЕРО-ЗАПАД

Две недели мы стояли
 в сонном летнем городке.
Пахло дымом и сосною
 в деревянном флигельке.
По ночам сверчки кричали,
 шли на фронт грузовики.
Орудийные раскаты
 отзывались вдалеке.

Я уже успел влюбиться
 в пятистенные дома,
Где за ставнями прохлада
 и сырая полутьма,
В эти чистые озёра,
 в эти рыжие леса,
Не дающие покоя
 и сводящие с ума.
Только б видеть это небо,
 слышать голос дорогой,
Шум дождя, порывы ветра,
 скрип ступенек под ногой.
Песню старую, как сосны,
 из которых сложен дом:
Колокольчик — дар Валдая,
 что звенишь ты под дугой?
Нашу дружбу не разрушить
 расстояньем и войной.
Старый город, как приятель,
 разговаривал со мной.
На чужбине и в скитаньи
 буду чувствовать всегда
Потемневший от столетий
 этот город за спиной.
И покуда жив мой город,
 буду жить на свете я,
Спать в брезентовой палатке,
 пить горстями из ручья.
Как во сне передо мною —
 церкви, сосны, облака.
Это — ильменская сказка,
 это — родина моя.

СВЕРЧОК

В доме у нас поселился сверчок,
Скромный певец новгородского лета.
То защебечет, то снова молчок,
Вновь затоскует, и так до рассвета.
Что это вздумалось сдуру ему
Славить покой наступающей ночи:
То ли предчувствует свадьбу в дому,
То ли хозяину счастье пророчит!
Несколько малозначительных слов
Надобно было, чтоб стало мне ясно,
Он, как и я, из числа чудаков,
В землю влюблённых легко и пристрастно.
Он, как и я, перечислит к утру
Брёвна и окна в доме рыболова,
Вёсла и снасти на свежем ветру, —
И от себя не прибавит ни слова.
Он, как и я, без особых затей,
Тёмной своей удивительной речью
Славит покой рыбаков и детей,
Кровлю, огонь и семью человечью.

«ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО»

На любом расстоянии от дома, в дороге любой,
В ожидании завтра и день провожая вчерашний,
Я включаю приёмник, и нас обручает с тобой
Тень любимого города, песня невидимой башни.
Чуть колышется марево тихих ночных голосов,
Городских фонарей, перевёрнутых в мокрой панели.
«Лебединое озеро» кончилось, скоро двенадцать часов,
И подъезды театра один за другим потемнели.
Наконец ты выходишь, почти не касаясь крыльца,
Возникая из ночи неслышно и неповторимо,
Погрустив от усталости, робко стирая с лица,
Как следы поцелуев, следы театрального грима.
Может, впрямь, ты когда-нибудь белой птицей была,
А явилась на землю в земном человечьем обличе,
Сохранив у плеча ощущение живого крыла,
Лебединую лёгкость, повадки и слабости птичьи.

*
* *
*

Е. М.

Не на концертах мы с тобой встречались
И не вели расспросов о былом,
Не со свечами мы с тобой венчались,
Не пили мы за свадебным столом.

Уча нас жить, залечивая раны,
Не на день, не на год, а навсегда
Венчали нас демянские туманы,
Лычковский лёд, полавская вода.

Средь ночи ослеплённая ракетой,
Исхлёстанная снегом февраля,
Давным-давно погасшею планетой
Казалась нам безлюдная земля.

Мы здесь решили всё начать сначала,
И чем бывало хуже, тем верней.
На полустанках нас война венчала,
А мы, как дети, были перед ней.

Шла непогода над озёрным краем.
Но день разлуки был от нас далёк
Когда горел в землянке под Валдаем
В снарядной гильзе тонкий фитилёк.

*
* *

Кислые яблоки зреют в саду,
Скоро на елях затеплятся свечи.
Я обязательно завтра приду,
Всюду предвестники будущей встречи.

Нам напророчили ранний конец.
Милая, это ведь только начало,
Если от близости наших сердец
Новое сердце в тебе застучало.

Как мы мечтали остаться вдвоём,
Есть же на свете такая награда.
Чтоб узнавать о терпенье твоём,
Мне ни открыток, ни писем не надо.

В час, когда на небе не было звёзд,
Я различал и во мраке сиянье.
Десять шагов или тысяча вёрст, —
Разве пугает меня расстояние?!

Здесь я, — лишь имя моё назови.
Здесь, — протяни только добрые руки.
Чтоб ни случилось, для нашей любви
Не было, нет и не будет разлуки.

*
* *
*

Возле Едрова, у Валдая,
Есть невидимый поворот,
Там, вовеки не увядая,
Наше счастье в лесу живёт.

Золотые дневные краски.
Нестареющие цветы, —
Всё придумано, всё из сказки
Настоящая — только ты.

В старом доме под грушей дикой
Влажный сумрак лесного дня.
Пахнет в комнате земляникой,
Ты, ведь, лакомка у меня.

Вижу ясно, как бы впервые,
Чистых заводов синеву.
Отними у меня Россию,
Я минуты не проживу.

ДОМ

Сожжены дома и клетки.
На деревню — две сохи.
Здесь весной на рассвете
Не кричали петухи.

В поле — холодно и сыро,
Только рядом у реки
Строят хату целым миром
Погорельцы-старики...

Без расчёта и пригонки
Клали плотники венеч.
И стоял от них в сторонке
И глядел на них боец.

Обошёл он штуку эту
С правой, с левой стороны.
Мы вам скажем по секрету,
Был он плотник до войны.

И с особенным волнением,
Поглядев на них в упор,
Попросил он с извиненьем
На минуточку топор.

И сказал он поговорку,
Что, мол, будет дом хорош,
Молча сбросил гимнастёрку,
Стал на плотника похож.

Отложил табак и спички,
Два бревна облюбовал
И, как мастер, по привычке
На ладошки поплевал.

Вся деревня Козьи Броды
На него глядит с бугра.
Видно, парень в эти годы
Тосковал без топора.

И пошёл тогда приятель
Класть «обаполы» ребром,
Песни петь, стучать, как дятел,
И работать топором.

Он стоял, лихой и бойкий,
Над высокою стеной,
И на месте новой стройки
Пахло свежестью лесной...

За селом слышны раскаты,
День и ночь гремит война.
Вдоль села идут солдаты
От рассвета до темна.

Дом стоит большой и новый
На весеннем сквозняке,
Пятистенный и сосновый,
С петухами на коньке.

Дом весёлый, словно песня,
Виден всем ещё вдали.
Он стоит, как добрый вестник
Возрождения земли.

ДОРОГА

Может быть, июльский зной,
Дальний путь и быстрый виалис,
Стук копыт и шум лесной
На рассвете нам приснились.

Чуть вздремнёшь накоротке,
Солнце жжёт лицо и спину.
Пить захочешь, но в реке
Тоже пыль наполовину.

Солнце чёрное висит,
Еле видное в тумане.
Две недели будешь сыт,
Наглотавшись этой дряни.

В ослепительной пыли
Ясно слышится гуденье —
Танк является вдали,
Но и он, как привиденье.

Серый лес от зноя сух.
Танки движутся рывками.
Плотность воздуха вокруг
Можно чувствовать руками.

Вспомни через много лет,
Как счастливую примету,
Что и твой солдатский след
Врезан был в дорогу эту.

Это всё не сон, а быль.
Нам ещё шагать не близко..
И стоит столбами пыль
От Столбцов до Волковиска.

ЛЕСНОЙ ГОРОДОК

На голом месте мы вкопали столб.
День новоселья не был здесь отмечен.
Сложили стены, сколотили стол,
Врубили дверь и затопили печи.

Грибная сырость, запах мхов и клея.
Здесь жили люди на клочке земли
И после, ни о чём не сожалея,
Легко собрались и легко ушли.

Но кто расскажет, как на этом месте,
Где на ветру шумит забытый хлам,
Мы жили вместе, умирали вместе
И горести делили пополам.

И так печальны на полях военных
Пустые блиндажи, и шалаши,
Как будто навсегда осталась в стенах
Частица человеческой души!

САПЕР

Мокрым лесом трясины вымостив,
Десять суток не зная покоя,
В полной целости-невредимости
Возвратился сапёр из боя.

Он не ищет особых почестей,
И ему не нужна награда,
Даже водки ему не хочется,
Только б выспаться так, как надо.

Лес шатается, как контуженный,
Вдоль по фронту бежит зарница.
Спит солдат, не дождавшись ужина,
И ему ничего не снится.

Пахнет утро гречихой сладкою,
После боя рассвет спокоен.
Спит, укутанный плащ-палаткою,
Удивительный русский воин,

Под обстрелом и стужей дикою,
По колено в болотах стоя,
Совершающий всё великое,
Как обычное и простое.

ЛЕТЧИК

Огненная трасса пулемёта
С треском пробежала по стеклу.
Ранили советского пилота
Далеко во вражеском тылу.

Неподвижным и ослепшим взором
Вглядываясь в ледяную ночь,
Он теперь летел не по приборам, —
Карты не могли ему помочь.

Вопреки законам притяженья,
Отряхнув с себя земную власть,
Он упорно продолжал движение,
Не желая сдаться и упасть.

Всё, что было издавна знакомо,
Он сквозь слёзы смутно узнавал.
Сел на самый край аэродрома
И ничком свалился на штурвал...

А вокруг в обыденном порядке
Жил прифронтовой аэродром.
Стайка «илов» поднялась с площадки,
Утренним сияя серебром.

Шли друзья, желая с ним проститься,
Лёгкий след оставив за кормой.
Говорят, что раненные птицы
Прилетают умирать домой.

БЕЛОСТОК ГОРИТ...

Над городом пепел и чад,
И, словно от страха и боли,
Сквозь пламя беззвучно кричат
Химеры на красном костёле.

Железо, бетон и стекло —
Ничто для огня не преграда.
Меня навсегда обожгло
Дыхание этого ада.

И сколько ещё проживу,
Какой ни пройду стороною,
Отчётливей, чем наяву,
Он будет плясать предо мною.

Земля раскалилась — не тронь,
Трава на бульваре седая.
Но вот утихает огонь,
Окно за окном покидая.

Он сделал покорным металл,
Кирпич истолок, словно в ступке,
Теперь он притих и устал
И сразу пошёл на уступки.

Над городом грозная тьма
Лежит, как булыжник пудовый.
И в сумрак уходят дома
Все в чёрном, как польские вдовы.

АКАЦИИ ВАРШАВЫ

Я говорю: акации Варшавы, —
И снова возникает предо мной
Тот летний день, тот город величавый,
Охваченный мятежной тишиной.

Все двери настежь улица открыла,
Все окна смотрят на меня в упор.
И на мостах чугунные перила
Ещё гудят от взрывов до сих пор.

Чем виноват я, что четыре года
В моих стихах всегда один пейзаж:
Окно без стёкол, лестница без входа,
Повиснувший над улицей этаж.

Где б ни был ты, тебя всегда отыщет
Средь мирных дел и мирной тишины
Тот сладковатый запах пепелища,
Преследующий с первых дней войны.

Грохочет дождь пустыми желобами,
Выходят ночью статуи из ниш,
И жёсть скрежещет ржавыми зубами,
Взрывной волною содранная с крыш.

Лишь грузовик, по площади проехав,
Дворы и стены озарит на миг,
И вновь, как прежде, в улицах пустых
С самим собой ведёт беседу эхо.

И всё же об акациях. Они
Не украшение города, а слава.
В июньский полдень в их живой тени
Приют себе находит вся Варшава.

Над ними ночь прозрачна и светла.
Они и сами чуть плотнее дыма.
На этих глыбах камня и стекла
Цветенье их почти необъяснимо.

Дрожат под ветром тонкие стволы,
Их ветви слабы, их кора шершава.
Но здесь среди развалин и золы,
С акаций начинается Варшава.

ПО ДОРОГЕ НА ПОЗНАНЬ

У дорожного перекрёстка,
На извилистом большаке,
Тихо молится matka боска
В одиночестве и тоске.

В каждой ветке, в сухой былинке
Летний ветер о ней скорбит.
В Освенциме или в Тремблинке
Был любимым её убит.

Мы такой её узнавали,
Не витавшею в облаках,
Просто женщиной в покрывале
С сиротинкою на руках.

И дорогою проезжая,
Вспомнил я об иной судьбе.
Чем же эта мечта чужая
Мне напомнила о тебе?

То ли этой улыбкой грустной,
Не евангельской, не святой,
Человеческой, безыскусной
Материнскою красотой.

То ли этой травой по склонам,
Покрывающей все следы,
То ли этим венком, сплетённым
Из ромашек и резеды.

Растворяется облик медный
В дымке вечера голубой.
Обязательно, вшистка едно¹
Скоро встретимся мы с тобой.

¹ Всё равно (польск.).

АПРЕЛЬ

Начиналось с того, что воронки
Поросли прошлогодней травой.
Начиналось с того, что в сторонке
Подбоченился тополь кривой.

Начиналось с ночного озноба,
С отсыревших углов в блиндажах.
Начиналось с полян и сугробов,
Ноздреватых, как хлеб на дрожжах.

А кончалось привычно, как дома,
Сладким клеем на тонкой коре,
Перепалкой весеннего грома,
Переключкой скворцов на заре.

Только в зарослях речка сверкает,
Озарённая солнцем до дна.
— Кто идёт? — часовой окликает,
И ему отвечают: — Весна!

ВЕСНА 1945

Весна, весна! Она уже живёт
В донских степях, на белорусских нивах,
В порыве рек, несущих талый лёд,
В бурливых и стремительных разливах.

В сердцах бойцов, шагающих вперёд,
В глазах людей усталых, но счастливых.
Когда на миг наступит тишина,
Мы чувствуем, что к нам пришла весна.

Весна, весна! Она теперь везде:
В полёте птиц над ранней бороздой,
В гнезде птенца и в снайперском гнезде,
В вечернем небе с первой звездой,
В неторопливом мартовском дожде,

В траншейных рвах, затопленных водою.
С каким волнением замечаешь ты —
На минном поле выросли цветы.

Весна, весна! Она уже вокруг,
Она и ночью не даёт покоя.
Благословен в цветах и травах луг,
И мокрый лес, и небо голубое.
Благословен простой крестьянский плуг,
Идущий там, где было поле боя.
В стране моей отныне навсегда
Весна восстановления и труда.

И у тебя в Москве сейчас весна.
Я, как во сне, опять припоминаю:
В асфальте вся Москва отражена,
Весенняя, прозрачная, сквозная.
И ты идёшь по улицам одна...
С кем я сравню тебя, моя родная?
С берёзкою? Она не так стройна.
С весною? Но ведь ты сама весна.

Весна во всём — в небесной бирюзе,
В речной воде, с которой нету сладу,
В болотной оживающей лозе,
И в ветре, пробегающем по саду.
В ночной, неумолкающей грозе,
Похожей на ночную канонаду.
Навек от горя освобождена,
Сквозь слёзы улыбается она.

Я знаю — словно горная река,
Впадающая с грохотом в долину,
Войдёт в преданья, в сказки и в века.
В историю, легенду и былинку —
Весна, когда советские войска
Дрались уже на подступах к Берлину.
Как счастлив я, что довелось и мне
Служить на фронте нынешней весне.

Она себе попрежнему верна,
Певунья, озорница, непоседа.
На тех дорогах, где идёт она,
От страшных бурь не остаётся следа.
И слово долгожданное «весна»
Звучит для нас сегодня, как — Победа.
По всей земле, правдива и ясна,
Идёт красноармейская весна.

СЧАСТЬЕ

Когда от неба и до земли
Летели клочья седого дыма,
И только люди сносить могли
Всё, что для камней невыносимо,

Когда, одетый в огонь и дым,
Мир накренился, как в бурю судно,
И было трудно лежать живым,
А мёртвым было уже нетрудно,

Когда под скрежет весенних льдин,
Прощаясь с миром последним взглядом.
Я оставался в снегу один,
А немцы были почти что рядом,

Когда, разбужен ночной стрельбой,
Весь лес был полон предсмертной дрожи, —
Я не прельщался другой судьбой,
Я повторял лишь одно и то же:

Жить не украдкой, жить не ползком,
Подобно горной лететь лавине.
Мне нужно счастье всё целиком.
Мы не сойдёмся на половине!

*
* * *

Е. М.

Я столько прошёл и проехал с тобой
Железных дорог и шоссейных дорог,
И столько гремело над нашей судьбой
Житейских тревог и воздушных тревог,

И столько легло между нами сейчас
Родных городов и чужих городов,
И столько прошло разлучающих нас
Ночных поездов и дневных поездов,

И столько друзей я оставил в пути,
О верных товарищах часто скорбя,
Что мне никогда никого не найти
Дороже тебя и роднее тебя.

*
* * *

Время учит сносить передраги,
Отдаёт всё, что взято взаймы,
Превращая окопы в овраги
И могилы в степные холмы.

Терпеливо, привычно и просто
Продолжая свой правильный труд,
Птицы вьют на развалинах гнёзда;
На пожарищах маки цветут.

Те места, что казались нам адом,
Изменяют свой сумрачный вид.
Даже тополь, подбитый снарядам,
Распрямиться опять норовит.

И солдат, возвращаясь с друзьями,
Поглядит удивлённо окрест,
Не узнав обожжённых боями,
Порастающих вереском мест.

*
* *
* *

Леса его родимой стороны
Покрылись сединою.
Стоял солдат, вернувшийся с войны,
С котомкой за спиною.

На голых стенах вился дымный след,
И степь вокруг молчала..
Ты думаешь, легко под сорок лет
Всё начинать сначала?

ДАЛЬНИЕ ДОРОГИ

*
* *

Мы в немецком городе проснулись.
Странная была повсюду тишь.
Тошно мне от этих узких улиц,
От чужих пирамидальных крыш.
Только и тоскую я об этом,
Чтоб увидеть снова наяву
Лёгкую, пронизанную светом,
Жизнь мою, судьбу мою — Москву.
Что мне слава, что златые горы,
Что мне реки, полные вина!
Только б видеть русские просторы
В летний день из моего окна.

Только б слышать, как звенит кузнечик
В пыльном сене высохшей копны
И глядеть в затоны русских речек,
Где на солнце камешки видны.

Только б слушать шум намокших сосен
За моей бревенчатой стеной
В дни, когда для нас готовит осень
Пироги с начинкою грибной.

Исколоть стернёй босые ноги
И устать, с утра бродив пешком,
И зимой заметить на дороге
Лисий след, присыпанный снежком...

Городских патрульных окрик строгий.
И рассвет дождливый, как всегда.
За спиною — дальние дороги,
Впереди — чужие города.

ФАЛЬКЕНБУРГ

Тевтонский замок. След боёв вчерашний.
Пусть будет так. Переночуем здесь.
Его глухие стрельчатые башни
Ещё хранят готическую спесь.

Неясный свет мерцает на балконе.
И в час, когда на башне полночь бьёт,
Крылатые, неседланные кони
Нетерпеливо пляшут у ворот.

Здесь пахнет пеплом, пылью и мочёю.
И, нарушая по ночам покой,
По этим залам ходит со свечёю
Гец фон Берлихинген с железною рукой...

Вчера рубеж оставлен был врагами.
Ещё везде бывших хозяев след.
Мы входим в дом. Под нашими шагами
Потрескивает высохший паркет.

Распахнуты пустые подворотни.
И чем темнее северная мгла,
Тем сумрачней, тусклее и дремотней
На лестницах сверкают зеркала.

Висят чехлы на мебели старинной,
А на кровати даже страшно лечь.
Не Зигфрид спал под этою периной,
Огромной, словно кафельная печь.

Своим порядком, ровным и унылым,
Способны окна вас свести с ума.
Весь дом пропах каким-то едким мылом.
Так пахнут все немецкие дома.

Нам ничего сегодня не приснится
Под сводами чужого потолка...
Тевтонский замок. Узкие бойницы.
Здесь будет штаб гвардейского полка.

Яростный ветер подталкивал путника в спину.
Гасли огни за железной решоткой мостов.
В кинематографе ночью крутили картину —
Некий барон полюбил продавщицу цветов.

Старая лента была, как погода, нечёткой.
Звук замирал, и бледнело вдали полотно.
Кино-блондин целовался с волшебной красоткой,
Свет загорался, и люди брели из кино.

Хмурая ночь поглощала прохожего разом.
Был небосвод, как в военное время, багров.
Пахло на улице дымом, бензином и газом,
Затхлым дыханьем подвалов и задних дворов.

Мчались во мраке неслышные автомобили,
Чёрные крыши, ночная судьба и тоска.
Люди спешили, прощались и даже любили,
Как на вокзале, за десять минут до звонка.

Дикие листья метались по рынкам и скверам,
Голые липы стучали ветвями в окно.
Всё это было таким одиноким и серым
И непохожим на то, что бывает в кино.

Сквозь сетку ливня и густую мглу
Едва видна уступчатая кровля.
Идёт сегодня на любом углу
Доходная и бойкая торговля.

Торговец всё поставил на окно:
Остатки разорённого наследства,
Хрусталь и бронзу, мебель и сукно,
Часы и патентованные средства...

Я не привык отсчитывать гроши
И мерить дружбу рыночной ценою.

Что значат их смешные барыши
Перед моею выручкой дневнсю?!

Есть у меня бескрайние моря,
Никем ещё не мерянные дали.
Есть золотые слитки сентября,
Каких они ни разу не видали

Есть изморозь на ледяном стекле,
Есть просеки, где вместе мы бывали,
Есть летний дождь на утренней земле
И лёгкий сон на пыльном сеновале...

И я иду сквозь эту толчею,
Через чужой товар переступаю,
И ничего не перепродаю,
И ничего у них не покупаю.

СЛУШАЯ МОСКВУ...

Здесь нет берёз и русских сосен,
Здесь лес стоит в чужой тоске.
Мы отмечаем эту осень
В пустынном сером городке.
В сыром асфальте отражая
Глухие тучи, свет и мглу,
Теснится улица чужая
С чужой афишей на углу.
Но только лишь уснёт квартира,
Приходит долгожданный миг,
Мы слышим шум большого мира
И звон далёких позывных.
И мир, кружась в бессонном танце,
Осенней ночью напролёт
На языке десятков станций
О чём-то плачет и поёт.
Полна разрядов тьма сырая.

Доверясь радиоволне,
Гудит пространство, замирая
В своём осеннем полусне.
И вот над толчеёй земною,
Под гул дождя и шум листьев,
Отчизна говорит со мною
Спокойным голосом Москвы.
В те дни, когда в своей печали
Весь мир не ведал тишины,
Мы этот голос различали
Средь страшных голосов войны.
Звучащий на высокой ноте,
Он был приветлив и знаком,
Не только пеленгом в полёте,
Но настоящим маяком.
Клянусь вам честью, мне не надо
Ни венских вальсов до зари,
Ни пряной музыки Багдада,
Ни саксофонов из Бари.
Когда за окнами ненастье
И брезжит свет едва-едва,
Пусть мне поёт о нашем счастье
Знакомым голосом Москва...

В дворы, в дома, сходя с ума,
Стучалась тьма и непогода.
Был смутный час. Была зима
Того немеркнущего года.
Бетон и сталь, ежи и рвы
В сиянии морозной пыли,
Не через улицы Москвы,
А через сердце проходили.
Был старый город, как всегда,
Закрыт и затемнён снаружи.
Троллейбусные провода
Гудели от железной стужи.
Но в нём была такая стать,
Такая боль в улыбке хмурой,
Что здесь окно могло бы стать
В любое время амбразурой.
И в этот час застыли люди
В цехах, на вышках, у перил.

Сквозь вой сирен и гром орудий
С народом Сталин говорил.
Тогда был фронт почти что рядом,
А он сквозь ворох тысяч дел
Провидящим, орлиным взглядом
Вперёд, в грядущее глядел.
Он говорил не очень громко,
Но так притихла вся страна,
Что будет речь его потомкам
Через столетия слышна.
В тылу, в пути, на ратном поле,
За каждой фразой следя,
В лесу, в землянке и в подполье
Солдаты слушали вождя.
Его услышав на привале,
Сквозь адский дым, сквозь снег и лёд,
Бойцы немедленно вставали,
Готовясь ринуться вперёд.
Когда он смолк, над всей землёю
Стояла долго тишина...
Была в тот вечер под Москвою
Судьба Берлина решена.

И роты двинулись на приступ,
В воде до плеч, в снегу по грудь,
Так начали мы свой тернистый,
Никем не вымерянный путь.

Сквозь недоступные болота,
На вязких поймах и лугах
Шла наша матушка-пехота
В своих керзовых сапогах.
О близкой смерти забывая,
Сапёры в снежной шли пыли,
Готовы сами лечь, как сваи,
Чтоб через них войска прошли,
По ветру хлопали знамёна,
Донцы во всю летели прыть,
Чтоб, по обычаю, из Дона
Воды шеломами испить.
И на снегах родного края,
В места разрывов становясь,

Связисты, даже умирая,
С полком поддерживали связь.
Надолго мы простились с кровом,
Всё наше счастье бросив в бой.
И бог войны в дыму багровом
Витал над мёртвою землёй.
Когда любимая столица
Сквозь дрёму слышит бой часов,
Мне чудятся родные лица
И говор милых голосов.
Чрез годы горя и разлуки,
Тревог, лишений и смертей
Я вижу старческие руки
Усталой матери своей.
Всё тот же ласковый, вчерашний,
Знакомый с детства шопоток,
Всё тот же тёплый и домашний,
На спицах вязаный платок.
Всё то же платье из сарпинки,
Надетое в который раз,
Всё те же тонкие морщинки
Вокруг её красивых глаз.
Пусть ночь печальна и бессонна,
Пусть угол холоден и пуст,
Ни слова жалобы, ни стона
Ты не слышал из этих уст.
Слёз не заметно под очками.
Уж, видно, так умеет мать
Хранить хорошее веками
И всё плохое забывать.
Слагая гимны нашим людям
И песни в честь богатырей,
Давайте с вами не забудем
И наших старых матерей.
Так пусть же наше поколение
Почтит их слёзы, пот и кровь,
Их всепрощенье, их терпенье,
Их материнскую любовь!

Опять шумят чужие клёны,
Припомнив ветренный денёк.

Горит в приёмнике зелёный,
Неугомонный огонёк.
Неслышно гаснет день вчерашний,
Как мы сегодня далеки!
Я слышу голос древней башни,
Автомобильные гудки.
Как широка земля родная!
Не отыскать достойных слов,
Чтоб описать простор Дуная
И тишь Курильских островов.
Ты возникаешь, словно в сказке,
В просторных новых корпусах,
Ещё в пыли и в свежей краске,
Ещё в строительных лесах.
В проектахстроек и ремонта,
В кругу забот, надежд и дел,
Как воин, что, вернувшись с фронта,
Спецовку мастера надел.
Какой ты мост чудесный свяжешь,
Какою песней тронешь тишь,
Какое слово завтра скажешь,
Какой мечтою удивишь,
Каким порадуешь поэтом,
Какой маршрут пробьёшь средь льдов,
Каким украсишь самоцветом
Кварталы новых городов,
К каким ещё пойдёшь высотам,
Любим препонам вопреки,
Каким невиданным полётом
Соединишь материки?
Где вы, друзья и однолетки,
Герои данцигских ночей?
На сваях новой пятилетки,
У жарких доменных печей,
Страна, крещёная победой,
Сияньем северной зари,
Трудись, загадывай, исследуй,
Дерзай, выдумывай, твори!
Буди горнистом на рассвете
На труд, на творчество, на бой,
И если есть судьба на свете,
То будь всегда моей судьбой.
...Уже везут составы грузы,

И корабли плывут домой,
И гимн Советского Союза
Встаёт над утренней землёй,
И солнце первыми лучами
Позолотило синеву...
Об этом думал я ночами,
С волненьем слушая Москву.

г. Вальденбург.

СЛОВО ВЕРНУВШИХСЯ С ФРОНТА

У военных людей навсегда остаётся привычка
Не страшиться огня, обживать по-хозяйски леса.
Где б ни началась стройка, какая б ни шла переключка,
Ты повсюду услышишь друзей фронтовых голоса.

Пахнут мокрым цементом и свежей сосною деревни,
Очертанья строений растут из ночной темноты,
И стрелок-пехотинец не рубит, а сажит деревья,
И сапёр-подрывник не взрывает, а строит мосты.

На сожжённой планете тебя ожидает работа.
Чертежи и проекты готовы уже в мастерской.
Если нас коменданты с военного спишут учёта,
Всё равно мы солдаты. Нам рано идти на покой.

Мы умеем работать, умеем не спать до рассвета,
Наводя переправы, стоять по колено в воде,
Письма жёнам писать, не имея подолгу ответа,
Забывать о себе, помогая другому в беде.

Мы везде сохраняем, как высшее в мире богатство,
Помогавшее нам воевать на чужой стороне,
Бескорыстную дружбу, мужское священное братство
И великую правду людей, побывавших в огне.

1945.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Из книги «Моя родословная»

Мальчикам	3
Чубчик	4
Именинные подарки	5
Старая кузня	6
Московская радиостанция объявляет о приёме в вузы	6
Приятель	7
Полярная почта	8
Земля	8

Из книги «Фронт»

23 июля	9
Радист	9
Город С.	10
Сестра	10
Выздоровление	11
«Гвардеец, поднимавший над Ростовом...»	12
Седьмая симфония в Москве	12

К югу от озера Ильмень...

Долгие Бороды	14
Залесье	15
Мокрый остров	16
Три реки	16
Город Н.	17
Мста	18
«Чертовщина»	19
Северо-запад	20
Сверчок	21
«Лебединое озеро»	21
«Не на концертах мы с тобой встречались...».	22

«Кислые яблоки зреют в саду...»	22
«Возле Едрова у Валдая...»	23
Дом	23

На Втором на Белорусском...

Дорога	26
Лесной городок	27
Сапёр	27
Лётчик	28
Белосток горит...	29
Акации Варшавы	29
По дороге на Познань	31
Апрель	32
Весна 1945	32
Счастье	34
«Я столько прошёл и проехал с тобой...»	35
«Время учит сносить передраги...»	35
«Леса его родимой стороны...»	36

Дальние дороги

«Мы в немецком городе проснулись...»	37
Фалькенбург	38
«Яростный ветер подталкивал путника в спину...»	39
«Сквозь сетку ливня и густую мглу...»	39
«Слушая Москву...»	40
Слово вернувшихся с фронта	45

Отв. редактор *А. А. СУРКОВ.*

A04456 Тир. 100.000 экз. Печ. л. 1½ Заказ 657

Подписано к печати 3/VI 1946 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 60 коп.